

Австрало-британские отношения в контексте формирования австралийского национализма (вторая половина XIX в.)

Елизавета Станиславовна Саукова,

кандидат исторических наук, доцент кафедры
политических наук и международных отношений
историко-филологического факультета Челябин-
ского государственного университета, Челябинск.

E-mail: esaukova@yandex.ru

Во второй половине XIX в. британские колонии в Австралии вошли в период своего бурного социально-экономического и политического развития. В то же время острые проблемы регионального развития — такие как, например, территориальный раздел Океании, оборона, миграция — становились всё более значимыми во взаимоотношениях метрополии и её автономий. Стремление повысить свой статус в империи и реализовать региональные интересы стимулировало общественно-политическую элиту самоуправляющихся колоний искать идейную основу для подобных притязаний. Понимая неготовность имперских властей оперативно реагировать на их запросы, австралийцы развивали собственный национализм. В колониях всё активнее звучала идея о том, что британцы в условиях пятого континента дали начало новой австралийской нации, сохраняющей «кровное» родство с англо-саксонской расой. Подчёркивая эту связь и свою «британскость», австралийцы тем не менее ощущали своё обособленное положение в империи и предвзятое отношение со стороны Великобритании. Присущая, как казалось, англичанам неосведомлённость о положении дел в далёких колониях и, как следствие, порой непродуманная политика метрополии в Австралии и Тихом океане становились аргументом в дебатах о будущем континента. Австралийский национализм стал идейной базой движения за объединение колоний в целях усиления роли последних в империи и регионе.

Ключевые слова: история Австралии, австралийский национализм, Британская империя.

Australian-British Relations in the Context of the Formation of Australian Nationalism (The Second Half of the Nineteenth Century).**Elizaveta Saukova, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.**

E-mail: esaukova@yandex.ru.

In the second half of the nineteenth century, the British colonies in Australia entered a period of rapid socio-economic and political development. At the same time, the pressing problems of regional development—such as, for example, the territorial allocation of Oceania, defense, migration—became more and more significant in the relationship between the mother country and its colonies. The intention to raise the status in the empire and realize regional interests stimulated the socio-political elite of the self-governing colonies to look for an ideological basis for such claims. Understanding the unwillingness of the imperial authorities to respond promptly to their requests, the Australians developed their own nationalism. In the colonies, there was a dynamic spread of the idea that British people, in the conditions of the fifth continent, gave rise to a new Australian nation that retained a “blood” relationship with the Anglo-Saxon race. Emphasizing this connection and their “Britishness”, the Australians, however, felt their isolated position in the empire and prejudiced attitude from the British. It seemed that the inherent ignorance of the British about the state of affairs in distant colonies and, as a result, the occasional ill-considered policy of the mother country in Australia and the Pacific became an argument in the debates about the future of the continent. Australian nationalism became the ideological basis of the movement for the union of the colonies in order to strengthen their roles in the empire and the region.

Keywords: Australian history, Australian nationalism, British empire.

С момента основания первой британской колонии в Австралии в 1788 г. до формирования обладающего ответственным правительством Австралийского Союза в 1901 г. прошло немногим более 100 лет. По историческим меркам, такое весьма быстрое развитие представляет интерес как феномен мирного, эволюционного становления государственности и формирования нового политического сообщества. При этом Австралия не только никогда не порывала с Великобританией, но тщательно сохраняла тесные культурные, политические, социально-экономические связи со «страной-матерью». Формировавшийся австралийский национализм базировался на представлениях о Британии и месте Австралии в империи.

Эта тема нередко становилась предметом исследований. Классическими стали труды Р.Б. Уорда и Р. Уайта, в которых авторы показали процесс формирования коллективного образа «настоящего австралийца», истинного представителя молодой австралийской

нации [36; 38]. Пристального внимания заслуживает работа Л. Трейнора, посвящённая взаимосвязи британского империализма и австралийского национализма в последние десятилетия XIX в. [34]. Б. Т. Джонс обратился ко времени зарождения австралийского национализма, характеристикам белого населения Нового Южного Уэльса в первой половине XIX в. и понятию «настоящего» австралийца той эпохи [23]. Статья Дж. ван Дуинена посвящена спорту как части того, что составляло понятие «британскости» [35]. Связь колониальной идентичности и «британскости» стала предметом исследования С. Морган, в котором проанализирована идея создания колонистами «лучшей Британии» [27].

В отечественной историографии интерес к истории Австралии и формированию идейных основ национальной идентичности её жителей активно возрастает в последние десятилетия. Эта тема звучит в трудах А. Я. Массова, посвящённых изучению русско-австралийских контактов, взаимовосприятия и взаимодействия россиян и австралийцев [2; 3]. Г. И. Каневская, исследуя миграционную политику Австралии, также подняла вопрос об австралийском национализме [1]. А. С. Петриковская рассмотрела специфику истории Австралии XIX—XX вв. и представила подробную картину развития идеологической сферы жизни континента и её воплощения в искусстве и иных формах культуры [4]. Н. С. Скоробогатых опубликовала масштабные как по хронологии, так и выбору тематики работы по истории Австралии, в том числе её конституционному развитию вплоть до XXI в., где вопросам национализма уделяется особое внимание [5; 6].

Методологическим основанием настоящего исследования стала сформулированная Ф. Бартом идея о том, что идентичность формируется в ходе контактов с «другими», позволяя выделить тем самым свои собственные черты [11]. Для австралийцев такими «другими», в результате взаимодействия с которыми во многом формировалась австралийская идентичность и австралийский национализм, являлись британцы.

Именно выходцы с Британских островов формировали большинство белого населения Австралии — по данным переписи 1881 г., лишь 5% опрошенных родились вне Британии и её владений [13]. Поэтому неудивительно, что «кровная» принадлежность к Британии, или «британскость», для австралийцев в целом не была противопоставлением «австралийскости». Известный австралийский политик, премьер Нового Южного Уэльса Г. Паркс заявлял, что «население Австралии более британское, чем любое другое за пределами Британии... Только в Австралии чистокровные британцы стали национальной силой под влиянием абсолютно новых условий» [29, р. 139]. Исследователи этой темы подтверждают мысль Паркса. К примеру, Дж. ван Дуинен обозначал австралийский национализм как локализованную «британскость» [35, р. 346]. Р. Макгрегор утверждал, что «британскость» — не только не случайная,

но имманентно присущая часть австралийского национализма. По его мнению, для построения собственной идентичности австралийцы стремились найти всё достойное, что было в их истории. Более того, они не имели другого выхода, кроме как обратиться к общему британскому наследию [25, р. 494], которое стало источником тех символов, что делали Австралию преемницей великого прошлого «страны-матери». С 1870-х гг. «британскость» в Австралии превратилась в доминирующий культурный миф, ключевую социальную идею, придающую смысл понятию «народ», полагает историк Н. Мини [26]. Более конкретно под ней понималась совокупность идеологических принципов, социально-психологических представлений, морально-этических установок, считавшихся отличительными особенностями британцев. Среди них можно выделить, например, культ англо-саксонской расы, индивидуализм, убежденность в собственном превосходстве над другими народами и некоторые другие.

Тем не менее отношение к Великобритании определялось в том числе и особенностями развития австралийского национализма. С одной стороны, колонии всячески стремились сохранять верность англо-саксонским идеалам, подчеркнуть свою принадлежность к Британии. С другой — именно сложности отношений с метрополией стимулировали поиск идейных оснований для более самостоятельного становления и существования австралийского национализма австралийского национализма.

Ключевым препятствием в налаживании удовлетворительных отношений с метрополией в колониях считали неосведомленность как рядовых британцев, так и представителей власти о положении дел на пятом континенте. Степень неведения была порой курьёзной, особенно если учесть, что вторая половина XIX в. стала временем, когда благодаря развитию инфраструктуры постепенно исчезала та относительная изоляция, в которой находилась Австралия. И в метрополии, и в колониях росло количество газет и журналов, а поток новостей со всех концов света увеличивался буквально на глазах, связывая людей из разных частей империи. К этому добавлялись популярнейшие международные выставки, представлявшие собой экспозиции достижений сельского хозяйства и промышленности, где представители разных стран могли встретиться вживую. Тем не менее Австралия оставалась на периферии внимания не только зарубежных государств, но и своей метрополии. К примеру, на Парижской выставке 1855 г. представители Великобритании удивлялись, когда узнавали, что на территории пятого континента сосуществуют несколько отдельных колоний [14, 20.09.1855, р. 2]. А британские организаторы и вовсе указали Сидней в качестве столицы Южной Австралии и всячески доказывали австралийцам свою правоту [32, 30.11.1855, р. 4]. Ещё один подобный «анекдот» привёл Г. Паркс. Однажды в беседе с англичанином ему был задан вопрос: «А какого австралийцы цвета?» Разговор

шёл вовсе не об аборигенах, и Паркс с удивлением осознал, что его собеседник совершенно не понимает того, что речь идёт о таких же «англичанах, как и он сам, но по счастливому стечению обстоятельств рождённых под более ярким небом» [29, р. 138].

Долгие десятилетия Австралия считалась местом ссылки на краю света. С этим образом австралийцы стремились бороться всеми способами, демонстрируя свои успехи при любом удобном случае. Так, описывая подготовку к прибытию в Австралию второго сына королевы Виктории принца Альфреда, газета «Эмпайр» утверждала, что это событие оставит в прошлом те времена, когда колонии «упоминались со стыдом и отвращением» [17, 25.06.1867, р. 4]. В 1881 г. выражавший настроения сторонников австралийского национализма журнал «Буллетин» писал, что грядущий визит ещё двух членов королевской семьи — принца Джорджа (внука королевы Виктории, будущего короля Георга V) и его брата принца Альберта Виктора — это признание прогресса, достигнутого колониями, о которых ещё полвека назад в Британии знали лишь власти и учёные [12, 04.06.1881, р. 1].

Эта сохранявшаяся неосведомлённость о пятом континенте, как представлялось австралийцам, вела к тому, что британские власти либо не принимали необходимых для развития колоний мер, либо действовали вразрез с их интересами и потребностями. Одним из подобных примеров служит так называемая имперская паника рубежа 1860—1870-х гг., которая была вызвана решением кабинета У. Гладстона не только вывести войска из Новой Зеландии, где долгое время шли войны с маори, но и предельно сократить военное присутствие в австралийских и других самоуправляющихся колониях. Современники опасались того, что уход военных подразделений метрополии из автономий подорвёт оборону империи и приведёт к её распаду. Австралийская пресса писала о «тирании колониал офис», которая, если подобное пренебрежение интересами «белых» колоний продолжится, направит последних на неизбежный путь обретения независимости [31, 16.04.1870, р. 8]. Действия метрополии оставляли ощущение незащищённости Австралии перед лицом потенциальных внешних завоевателей. Обеспокоенные колонисты, по их собственному мнению, были «подвержены всем опасностям войны наравне с Соединённым Королевством», но при этом, по саркастичному замечанию мельбурнской газеты «Эйдж», «могли влиять на её объявление или прекращение в той же мере, в какой и на движение небесных тел» [7, 10.10.1870, р. 3]. Имперские вооружённые силы, находившиеся к середине XIX в. в распоряжении метрополии, австралийцы считали недостаточными для обеспечения собственной безопасности. К тому же они не обладали возможностью контроля над ними. «Мы формально в её [Великобритании] власти и под её защитой, но на деле очевидно, что британское правительство не воспринимает оборону этих колоний как

часть своих обязанностей... Через пять лет мы можем столкнуться с морской державой, обладающей превосходящими силами, и как мы к этому подготовлены? Предполагая, что Англия не сможет или не пожелает [оборонять Австралию. — *Е. С.*], сможет ли Австралия, разделённая на отдельные колонии, защищать себя самостоятельно?» [8, 14.01.1856, р. 4] — задавались вопросом жители пятого континента. В такого рода размышлениях явно сквозили опасения, навеянные либеральной имперской политикой, при которой самоуправляющиеся колонии, официально оставаясь под властью короны, практически всё более оказывались предоставленными себе.

Ещё одной сферой, где, по мнению австралийских общественно-политических деятелей, колонисты не получали должной поддержки метрополии, стал территориальный раздел Океании. Великие державы проявляли всё большую инициативу в регионе, и Австралия не желала отставать в этом вопросе. Так как возможности автономий были юридически ограничены, они рассчитывали на активные действия Лондона по провозглашению островов британскими владениями. Местные газеты, подогревая эмоции, писали, что колонии сами должны проявлять инициативу, постепенно исследуя и оккупируя отдельные территории, как было в случае с Новой Зеландией, чтобы развивать их ресурсы и в конечном счёте вынудить имперское правительство проявить решительность [10, 28.05.1867, р. 2].

Эта модель вскоре была применена. В начале 1880-х гг. стало быстро обостряться положение вокруг Новой Гвинеи. Четвёртого апреля 1883 г. в ответ на германские претензии относительно её северной части премьер Квинсленда Т. Макилрейт распорядился аннексировать весь остров от имени британской короны. Заместитель госсекретаря по делам колоний Э. Эшли представил британскому парламенту телеграммы правительств Нового Южного Уэльса, Виктории и Южной Австралии с призывом санкционировать аннексию [18, 05.05.1883, р. 4]. Вопреки ожиданиям правительств автономий, глава колониал-офиса лорд Дерби расценил эту инициативу как непродуманную и бесполезную. Оставлять без внимания такую реакцию британских властей было едва ли допустимо. Пребывавшие в Лондоне генеральные агенты колоний нашли представившийся случай исключительно удобным для того, чтобы информировать министра о своих взглядах на проблему территориального раздела Океании. Они нанесли ему совместный визит и предложили поддержать аннексию не только Новой Гвинеи, «но и Новых Гебридов, Самоа и, фактически, всего Южно-Тихоокеанского региона в пределах 1—1,5 тысяч миль от побережья Австралии» [30, р. 489—490]. Со слов министра, австралийцы были убеждены в том, что любая страна, которая овладеет этими территориями, непременно захватит и саму Австралию. Лорд

Дерби, в свою очередь, не увидел ни необходимости, ни возможности для присоединения островов, находящихся на столь значительном удалении от Великобритании и её колоний [30, р. 490]. Он даже не счёл нужным скрывать своей иронии по поводу утверждений австралийцев, задав им вопрос, казалось, исключавший всякую возможность альтернативного ответа: не хотят ли они получить другую планету в своё единоличное распоряжение. И каково же было удивление Дерби, когда из их реакции он заключил, что представители автономий не увидели в этом ни малейшего повода для шутки [30, р. 490].

В итоге действия Макилрейта были дезавуированы Лондоном. Политик из Виктории и будущий премьер-министр объединённой Австралии А. Дикин назвал такое решение колониал-офис «малодушным» [16, р. 18]. Необычный способ выразить своё отношение к позиции Лондона избрал один «старый и весьма известный австралийский колонист». В опубликованном в газете «Телеграф» анонимном письме он саркастически «передразнил» полученный от Дерби ответ: «Я не подвергаю сомнению ваши факты или выводы... Принятие вашего предложения гарантирует безопасность, в то время как промедление таит угрозы... по причинам, которые я отказываюсь называть, я буду хранить молчание...» [33, 22.11.1883, р. 5]. Автор письма стремился продемонстрировать, насколько грубым, необоснованным и неразумным казался шаг лондонских политиков австралийцам, стремившимся аннексировать остров.

Под влиянием общей политики Великобритании на Тихом океане колонии не оставляли сомнения в том, понимает ли метрополия в полной мере их потребности и готова ли она помогать им. Крайне показательный в этом отношении эпизод произошёл в 1886 г. в Лондоне на встрече представителей Лиги имперской федерации с премьер-министром Великобритании лордом Солсбери. Используя редкий шанс, экс-премьер Виктории Дж. Сервис с горечью указал ему на то, как метрополия пренебрегает интересами автономий или жертвует ими ради решения собственных задач. Ситуация с германским присутствием на Новой Гвинее, по его словам, вызвала сильнейшее огорчение в австралийских колониях. Сервис также заявил, что усилия имперского правительства по устранению иностранного присутствия на Новых Гебридах и Новой Каледонии сделали бы больше, чем что-либо ещё, для упрочения связи между Австралией и метрополией [20, 13.08.1886, р. 3].

Практически единодушное возмущение австралийцев также вызывала возможная передача Новых Гебридов Франции. «Если бы [министр колоний. — Е. С.] лорд Гренвилль взял на себя труд ознакомиться с происходящим за пределами собственного кабинета, — писала газета «Геральд» в апреле 1886 г., — то он уже понял бы, что сдача указанных островов окажется не только

несправедливостью по отношению к Австралии, но и почти наверняка станет источником опасности в будущем». При этом мотивами адептов аннексии Новых Гебридов — членов Ассоциации уроженцев Австралии — газета называла «не столько местный патриотизм, сколько пылкую преданность Британской империи» [21, 20.04.1886, р. 2]. По воспоминаниям А. Дикина, на колониальной конференции 1887 г. он и его коллеги столкнулись с искренним удивлением английских властей тому факту, что «народ Австралии действительно возражал против французской оккупации Новых Гебридов и депортации преступников в Тихоокеанский регион» [28, 07.07.1887, р. 2].

Ещё одной проблемой, в решении которой, как казалось, Британия не считается с реальными потребностями своих австралийских колоний, стала миграционная политика. Колонисты долгое время боролись с практикой высылки в Австралию каторжан, а затем — и с программами субсидированной миграции с Британских островов. Член Законодательного собрания Виктории Дж. Хайинботэм объяснял необходимость отказа от подобных программ тем, что жители Австралии не должны платить за освобождение Англии и Ирландии от бремени пауперизма. Хайинботэм даже назвал эту систему «депортацией нищих». Кроме того, в последней трети XIX в. потерял свою актуальность обыкновенно использовавшийся аргумент «необходимости вливания новой крови». По мнению Хайинботэма, он приводил к прибытию на континент малополезной неквалифицированной рабочей силы, а не столь необходимых австралийскому обществу состоятельных и образованных людей [9, р. 54—59].

Неведение британских властей о реальном положении дел приводило, как представлялось, не только к проведению ими непопулярных в колониях действий, но и к предвзятому, пренебрежительному и несправедливому отношению к последним. Дж. Сервис в письме генеральному агенту Виктории отмечал, что сейчас австралийцы не имеют никакого представительства в центральном правительстве и являются по отношению к колониал-офис скорее «внешними просителями», влияние которых не больше возможностей депутата какого-нибудь графства в палате общин [22, р. 13]. Эту мысль подтверждал и А. Дикин в своих воспоминаниях о поездке в Лондон в составе делегации австралийских колоний для утверждения конституционного билля будущего Австралийского Союза. Согласно воспоминаниям Дикина, колонисты столкнулись с таким приёмом со стороны министра колоний Дж. Чемберлена, «словно они были послами иностранных государств, а он — единственным представителем своей страны» [16, р. 136]. При этом, по словам того же Дикина, Чемберлен доминировал во всех аспектах, регулируя даже то, кто из делегатов, когда и о чём будет говорить [16, р. 141].

Формулируя все накопившиеся в колониях представления об их месте в империи и мире, «отец» австралийской федерации Г. Паркс доказывал, что автономии уже имеют все предпосылки и ресурсы для того, чтобы объединиться и стать не просто независимым и процветающим государством, а превратиться в империю [29]. Вместе с тем, по словам публициста, австралийцы совершенно не хотели выходить из состава Британской империи. Он разделял нередко высказывавшееся мнение, будто австралийские колонии проявляют больше лояльности короне, чем сама Англия [29, p. 148]. Сравнивая преданность австралийцев метрополии с чувством любовной привязанности, он писал, что оно может пережить «случайную небрежность», но умрёт от «постоянного забвения» [29, p. 149]. К удивлению политика, впечатляющие достижения британских самоуправляющихся колоний не получали должной оценки со стороны метрополии. Корона, утверждал Паркс, не торопилась признавать заслуги австралийцев, например, не наделяя дворянством уважаемых колонистов, хотя нередко англичане с намного меньшими достоинствами добивались его [29, p. 148].

Занятая Лондоном позиция по отношению к интересам колоний воспринималась как явно безразличная не только в заморских владениях Великобритании. «Когда они выдвигают резкие требования, когда они побуждают нас, как в случае с Новой Гвинеей, бросить вызов одной из великих держав Европы из-за соображений, которые нам кажутся фантазией, мы, возможно, поступаем правильно и мудро, отказывая им, — полагал авторитетный английский публицист и известный историк Дж. Фруд. — Но мы могли бы отказать так, чтобы продемонстрировать им, что мы разделяем их чувства, уважаем их амбиции, понимаем их нетерпение как проявление того, что они ревностно стараются во имя величия империи» [19, p. 198—199].

Незаслуженное пренебрежение становилось аргументом для радикальных сторонников австралийского национализма усилить центробежные движения в империи. Один из известнейших австралийских литераторов рубежа XIX—XX вв. Г. Лоусон «развенчивал» идейные основы англосаксонской солидарности: «У нас мало общего с народом Англии, кроме нашего языка. Мы быстро стали совершенно разными людьми. Мы более либеральны, и, учитывая наш возраст, более прогрессивны, чем Англия. Большинство англичан ничего не знают об Австралии, и даже высшие классы не понимают ни нас, ни нашу страну. Последние испытывают своего рода добродушное презрение к нам, которое является лишь результатом их контакта с нашей собственной дрянной аристократией, которая на несколько градусов более презренна, чем английская» [24]. При этом автор отметил открытость австралийцев к мигрантам из метрополии. Англия же, по его мнению,

отвечала тем, что на пятый континент прибывали лишь худшие слои её населения. Лоусон замечал презрение мигрантов-англичан к Австралии, большинство из которых вместе с тем не желали возвращаться на родину после накопления достаточного состояния, что свидетельствовало о бесосновательном превознесении ими Англии и напрасном унижении места, где они нашли лучшую жизнь [24].

Ещё менее был склонен романтизировать историю Австралии и её отношения с метрополией оппозиционно настроенный журнал «Буллетин». На его страницах звучали слова о том, что метрополия своими суровыми законами, несправедливыми действиями и предвзятым отношением к некоторым слоям населения вынудила многих людей искать лучшей доли на далёком континенте. Преследования и криминализация чартистов, ирландцев и шотландцев, лэндлордизм и монополии, процветавшие в Великобритании, контрастировали с настроениями, преобладавшими в австралийском обществе, и вызывали резкую антипатию редакции «Буллетина» [12, 18.02.1888, р. 4—5].

Когда же идеи австралийского национализма стали достаточно сильны для того, чтобы создание союза разрозненных колоний начало всерьёз обсуждаться в политических кругах пятого континента, отношения с метрополией вновь были в центре дискуссии. Австралийская пресса опасалась, как бы планы объединения автономий не были восприняты в Великобритании в качестве первого шага к обретению ими независимости. Такие опасения назывались «необоснованными и происходящими главным образом от неведения» реальных умонастроений в колониях [15, 05.05.1890, р. 2]. «Величие Австралии никогда не было оценено британцами в полной мере», — с сожалением заключали местные журналисты [37, 06.05.1890, р. 3].

Сложности при общении с британским руководством показывали австралийцам, что их чаяния интересовали Великобританию в гораздо меньшей степени, чем они считали необходимым. Все наиболее важные для Австралии вопросы оставались на периферии внимания имперских политиков. Удалённость от метрополии, хотя и постепенно компенсируемая развитием коммуникаций, сохраняла определённый разрыв между Лондоном и его далёкими тихоокеанскими владениями. Всё это усиливало представления о том, что австралийцы — не просто британцы в другом полушарии, но особое сообщество со своими интересами и судьбой. Это подталкивало австралийских политиков искать альтернативные пути решения собственных проблем как регионального, так и более широкого масштаба, что стимулировало развитие местного национализма. Именно идея национального единства стала «цементом», позволившим австралийцам говорить о своём глубинном родстве и общей судьбе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Каневская Г.И. «Заселить или погибнуть». Иммиграционная политика Австралии (XIX — начало XXI веков). Владивосток, 2017. 94 с.
2. Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб, 1998. 238 с.
3. Массов А.Я. Эволюция отношения белых жителей Австралии к России и русским (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 36—44.
4. Петриковская А.С. Культура Австралии: XIX—XX вв. М., 2007. 253 с.
5. Скоробогатых Н.С. Вехи конституционного пути Австралии (1788—2000 гг.). М., 2006. 240 с.
6. Скоробогатых Н.С. История Австралии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015. 452 с.
7. Age (newspaper).
8. Argus (newspaper).
9. Australia Speaks: An Anthology of Australian Speeches / ed. by A.L. McLeod. Sydney, 1969. 213 p.
10. Australian News for Home Readers (newspaper).
11. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference. Oslo, 1969. 153 p.
12. Bulletin (magazine).
13. Census of Victoria, 1881. URL: https://hccda.ada.edu.au/Collated_Census_Tables/VIC-1881-census_01.html (дата обращения: 05.09.2022).
14. Colonial Times (newspaper).
15. Daily Northern Argus (newspaper).
16. Deakin A. Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880—1900) / prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney: University of Sydney Library, 2000. 175 p.
17. Empire (newspaper).
18. Evening News (newspaper).
19. Froude J.A. Oceana or England and Her Colonies. Leipzig, 1887. 350 p.
20. Geelong Advertiser (newspaper).
21. Herald (newspaper).
22. Imperial Federation League. Expression of Opinions on Imperial Federation, by Public Men at Home and in the Colonies. London, 1885. 15 p.
23. Jones B.T. Currency Culture: Australian Identity and Nationalism in New South Wales before the Gold Rushes // Australian Historical Studies. 2017. Vol. 48. Iss. 1. P. 68—85.
24. Lawson H. United Division. Published in The Republican 7 January 1888. URL: <http://www.telelib.com/authors/L/LawsonHenry/prose/republican/uniteddivision.html> (дата обращения: 05.09.2022).
25. McGregor R. The Necessity of Britishness: Ethno-Cultural Roots of Australian Nationalism // Nations and Nationalism. 2006. Vol. 12. Iss. 3. P. 493—511.
26. Meany N. Britishness and Australian Identity: The Problem of Nationalism in Australian History and Historiography // Australian Historical Studies. 2001. Vol. 32. Iss. 116. P. 76—90.
27. Morgan C. Building Better Britains?: Settler Societies within the British Empire, 1783—1920. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 232 p.
28. Nelson Evening Mail (newspaper).
29. Parkes H. Our Growing Australian Empire // The Nineteenth Century: A Monthly Review, Mar. 1877 — Dec. 1900. 1884. Vol. 15. № 83. P. 138—149.

30. Powell G. A Diarist in the Cabinet: Lord Derby and the Australian Colonies, 1882—85 // *Australian Journal of Politics and History*. 2005. Vol. 51. No. 4. P. 481—495.
31. *South Australian Chronicle and Weekly Mail* (newspaper).
32. *Sydney Morning Herald* (newspaper).
33. *Telegraph* (newspaper).
34. Trainor L. *British Imperialism and Australian Nationalism: Manipulation, Conflict and Compromise in the Late Nineteenth Century*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. 234 p.
35. van Duinen J. Playing to the “Imaginary Grandstand”: Sport, the “British World”, and an Australian Colonial Identity // *Journal of Global History*. 2013. Vol. 8. P. 342—364.
36. Ward R.B. *The Australian Legend*. Melbourne: Oxford University Press, 1978. 336 p.
37. *Warwick Argus* (newspaper).
38. White R. *Inventing Australia: Images and Identity, 1688—1980*. Sydney; Boston: Allen & Unwin, 1981. 205 p.

REFERENCES

1. Kanevskaya G.I. «Zaselit' ili pogibnut'». *Immigratsionnaya politika Avstralii (XIX—nachalo XXI vekov)* [“Populate or Perish”: Australian Immigration Policy (the 19th Century — the Early 21st Century)]. Vladivostok, 2017, 94 p. (In Russ.)
2. Massov A.Ya. *Rossiya i Avstraliya vo vtoroy polovine XIX veka* [Russia and Australia in the Second Half of the 19th Century]. Saint-Petersburg, 1998, 238 p. (In Russ.)
3. Massov A.Ya. Evolyutsiya otnosheniya belykh zhiteley Avstralii k Rossii i russkim (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) [The Evolution of the Attitude of the White Inhabitants of Australia towards Russia and Russians (the Second Half of the 19th Century — the Early 20th Century)]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni*, 2012, no. 8, pp. 36—44. (In Russ.)
4. Petrikovskaya A.S. *Kul'tura Avstralii: XIX—XX vv.* [The Culture of Australia: the 19th — the 20th Centuries]. Moscow, 2007, 253 p. (In Russ.)
5. Skorobogatykh N.S. *Vekhi konstitutsionnogo puti Avstralii (1788—2000 gg.)* [Milestones of Australia's Constitutional Path (1788—2000)]. Moscow, 2006, 240 p. (In Russ.)
6. Skorobogatykh N.S. *Istoriya Avstralii. XX vek* [The History of Australia. The 20th Century]. Moscow, IV RAN Publ., 2015, 452 p. (In Russ.)
7. *Age* (newspaper). (In Eng.)
8. *Argus* (newspaper). (In Eng.)
9. *Australia Speaks: An Anthology of Australian Speeches*. Ed. by A.L. McLeod. Sydney, 1969, 213 p. (In Eng.)
10. *Australian News for Home Readers* (newspaper). (In Eng.)
11. Barth F. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*. Oslo, 1969, 153 p. (In Eng.)
12. *Bulletin* (magazine). (In Eng.)
13. *Census of Victoria, 1881*. Available at: https://hccda.ada.edu.au/Collated_Census_Tables/VIC-1881-census_01.html (accessed 05.09.2022). (In Eng.)

14. *Colonial Times* (newspaper). (In Eng.)
15. *Daily Northern Argus* (newspaper). (In Eng.)
16. Deakin A. *Federal Story: The Inner History of Federal Cause (1880—1900)*. Prepared from the print edition published by Melbourne University Press. Melbourne, 1963. Sydney, University of Sydney Library Publ., 2000, 175 p. (In Eng.)
17. *Empire* (newspaper). (In Eng.)
18. *Evening News* (newspaper). (In Eng.)
19. Froude J.A. *Oceana or England and Her Colonies*. Leipzig, 1887, 350 p. (In Eng.)
20. *Geelong Advertiser* (newspaper). (In Eng.)
21. *Herald* (newspaper). (In Eng.)
22. *Imperial Federation League. Expression of Opinions on Imperial Federation, by Public Men at Home and in the Colonies*. London, 1885, 15 p. (In Eng.)
23. Jones B.T. Currency Culture: Australian Identity and Nationalism in New South Wales before the Gold Rushes. *Australian Historical Studies*, 2017, vol. 48, iss. 1, pp. 68—85. (In Eng.)
24. Lawson H. *United Division*. Published in *The Republican* 7 January 1888. Available at: <http://www.telelib.com/authors/L/LawsonHenry/prose/republican/uniteddivision.html> (accessed 05.09.2022). (In Eng.)
25. McGregor R. The Necessity of Britishness: Ethno-Cultural Roots of Australian Nationalism. *Nations and Nationalism*, 2006, vol. 12, iss. 3, pp. 493—511. (In Eng.)
26. Meany N. Britishness and Australian Identity: The Problem of Nationalism in Australian History and Historiography. *Australian Historical Studies*, 2001, vol. 32, iss. 116, pp. 76—90. (In Eng.)
27. Morgan C. *Building better Britains?: Settler Societies within the British Empire, 1783—1920*. Toronto, University of Toronto Press Publ., 2017, 232 p. (In Eng.)
28. *Nelson Evening Mail* (newspaper). (In Eng.)
29. Parkes H. Our Growing Australian Empire. *The Nineteenth Century: a Monthly Review. Mar. 1877—Dec. 1900*, 1884, vol. 15, no. 83, pp. 138—149. (In Eng.)
30. Powell G. A Diarist in the Cabinet: Lord Derby and the Australian Colonies, 1882—85. *Australian Journal of Politics and History*, 2005, vol. 51, no. 4, pp. 481—495. (In Eng.)
31. *South Australian Chronicle and Weekly Mail* (newspaper). (In Eng.)
32. *Sydney Morning Herald* (newspaper). (In Eng.)
33. *Telegraph* (newspaper). (In Eng.)
34. Trainor L. *British Imperialism and Australian Nationalism: Manipulation, Conflict and Compromise in the Late Nineteenth Century*. Cambridge, New York, Cambridge University Press Publ., 1994, 234 p. (In Eng.)
35. van Duinen J. Playing to the “Imaginary grandstand”: Sport, the “British World”, and an Australian Colonial Identity. *Journal of Global History*, 2013, vol. 8, pp. 342—364. (In Eng.)
36. Ward R.B. *The Australian Legend*. Melbourne: Oxford University Press, 1978, 336 p. (In Eng.)
37. *Warwick Argus* (newspaper). (In Eng.)
38. White R. *Inventing Australia: Images and Identity, 1688—1980*. Sydney, Boston, Allen & Unwin Publ., 1981, 205 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 17.10.2022